

МИТИНГОВЫЕ СТРАСТИ

Книга прозы Валентины Амиргуловой “Поэма о сапогах” предстала перед судом читателей /“Приокиздат”, 1991 г./ Книга эта лирична, сдержанно эмоциональна, в ней — теплота, любовь к человеку, которой так нам не хватает сегодня. Здесь не просто сочувствие, симпатия молодого автора к любимым героям или же его антипатия к отрицательным персонажам. Главное, как мне кажется, — это стремление пробиться к человеку, достучаться до него, что не просто было всегда в длинных, запутанных коридорах человеческого общежития.

Открывает книгу повесть — это рассказ о человеке, еще не отчаявшемся, не потерявшем надежды. Это в некотором роде действительно поэма из лирических отступлений, раздумий о нашем современнике — простом русском человеке. Вот герой повести Яков приезжает из деревни в город после похорон своей жены Насти, надеясь на лучшую долю. Жажда счастья даже после трагедии не покидает его. Будучи ребенком /он из поколения т.н. “детей войны”/, Яков испытал все ужасы военной страды. У него до сих пор в памяти случай, когда мать укрыла раненого солдата. Николай /так звали его/ на прощанье сшил мальцу сапоги. Дорогим подарком они оказались в то время. В сапогах — драгоценном подарке солдата — Яков прошел дорогами судьбы путь от нелегких послевоенных лет сюда к нашим дням. Поэтому, возможно, и привилась ему любовь к сапожному ремеслу, как и вообще интерес к умельцам — людям простых полезных профессий. В Якове воспиталось уважение к человеку, родилась отчаянная страсть при любых обстоятельствах, несмотря ни на что, делать людям добро.

И вот герой повести уже не молод, умудрен годами. Многое способен он понять и оценить. Как, скажем, человек не свободен в своих поступках. И дела расходятся с идеалами юности. Вот и сам Яков

подстраивается под Систему: лучше не выделяться, как бы чего не вышло — житейская философия щедринского премудрого пескаря. Хотя в быту герой и встречается с вопиющей несправедливостью, неустроенностью человеческой, требующей вмешательства. Яков познакомился с женщиной — матерью-одиночкой. Каково ей самой, без мужа, воспитывать дочь? И вот после нее Якова однажды потянуло на митинг, где собираются такие же, как и она, эта женщина, да и он сам, чтобы хоть друг от друга получить ответы на вопросы, поставленные жизнью.

А там на площади уже требуют к ответу своих утеснителей, там бушуют митинговые страсти. Кто-то крикнул напрямую: “Хлеба и зрелищ!” “Русская натура, — думал Яков, — рвется к цели и идее фанатично, а потом ищет виноватого”. В конце концов и тут человек не свободен, он соринка в толпе, чтобы значить что-то, надо к кому-то примкнуть. Но к кому? Одни низвергают своих бывших кумиров, другие — хитроумно их защищают.

Главному герою повести противопоставлен Илья Казанцев, Думающая лишь о себе, что он-де не хуже других, Илья в то же время стремится побольше урвать от Системы. Он ненавидит Якова за то, что тот якобы мутит воду, подрывает устои, мешая таким, как он. А ведь Казанцев не шишка какая-нибудь, не чиновник, работает вместе с Яковым в одной мастерской. Но сам подход к жизни, образ мыслей, как видим, у обоих далеко не одинаков. Яков требует материал для пошива обуви покрепче, клей попрочнее. Имея собственное мнение, он готов поспорить хоть с кем. И все это в Якове раздражает Казанцева.

А вот еще один из персонажей повести — это Клавдия, их помощница в бригаде. Она живет с боязнью, с оглядкой, подавленно. Мастерская для нее — проклятое место, где она прозябает. Мелочна, беспросветна жизнь ее: учинить скандал мужу, разрядиться на нем да вскопать огород — вот и все интересы. И вот начавшиеся в городе митинги врываются в унылую жизнь Клавдии, дают ей хоть какую-то надежду на перемены.

Зато Яков хорошо помнит, как сразу после войны председатель долго изводил деревню своими митинговыми лозунгами. Кони, за которыми ухаживал Яков, будучи конюхом, помогали людям выполнять нелегкую крестьянскую работу. Председатель же побуждал к труду лишь словами. Результаты известны: подорванными оказались вера в будущее, народные корни, не сбереглись нравственные устои. Как не мог Яков жить без коней, которые и в городе не дают успокоиться душе русского человека, так и примеченный им бережок стал для него тем заветным местом, к чему он в трудный момент прикасается сердцем. Уйдут ли в этом яростном мире смута и вражда, а что останется? Каков будет русский человек? С такими вопросами оставляет нас автор наедине со своими героями.

“Поэма о сапогах” — это повесть о том, где лирические отступления обозначают нерв общества. Довольно точно поставлен диагноз его

болезни. Однако с “лечением”, на мой взгляд, не совсем все в порядке. Лавина информации, “перегруз” ею не позволяют проявиться должному интересу к глубинам человеческим, к нравственным исканиям. Штрихами набросан портрет Якова. Спору нет, эскиз, может, и удался, но на фоне массовых митингов герой этот кажется маленьким, “заштрихованным”, менее важным со всеми своими сомненьями и раздумьями. Разбушевавшаяся стихия митингов подавляет его, делает не очень-то выразительным, даже ничтожным. И вот в той же сапожной мастерской групповым, массовым натиском его стараются подчинить как члена “коллектива”, подмять под себя, под свой отлаженный, спевшийся механизм. Недостаточно очерчены в повести, не раскрываются такие возможности во взаимоотношениях человека с коллективом, как самоизоляция, способность его выстоять, выдержать давление извне.

И все же Валентина Амиргулова оберегает душу своего героя. Идучи на митинг, Яков стремится сохранить в себе собственный эмоциональный настрой. Он выразитель личной правды, которая слишком долго с таким упорством отвергалась официально. Заметим, автор достаточно опытен, чтобы знать, какой жизненный материал необходим ему для раскрытия темы. Ощутима сопричастность молодого автора с проблемами своего поколения, понимание людских нужд и чаяний.

Герой повести Яков ведет постоянную полемику с заказчиками, со своим напарником по работе. И это не просто внутренний голос человека, который был когда-то социально унижен, а сейчас требует должной справедливости. За ним — жизнь, народ со своим бытом, историей. К сожалению, несколько монотонен в повести социально-психологический фон, городская среда. Едва угадываются противоречия, выливающиеся затем в митинги как итог внутреннего общественного напряжения, социальных контрастов. Порой создается впечатление, что действие происходит где-то в заштатном райцентре...

В повести поставлена еще такая немаловажная проблема, как свобода и несвобода личности. Отсюда вытекает и проблема культуры. Повесть была бы удачнее, если бы к разработке всех этих проблем автор больше шел от человека, через психологию, от внутреннего к внешнему, к нравственной, морально-этической сути. Может быть, Амиргулова и сама чувствует эти свои издержки и потому возлагает надежды на стиль, уделяет пристальное внимание лиризму, музыкальности слова, строки. Иными словами, делает, что в ее силах. В итоге искренне звучит слово молодого прозаика. Автор ставит перед нами вопросы — из тех еще, вечных: почему человек не реализовался, а личность не состоялась? Кто виноват и что делать?

Рассказы же в этой книге Валентины Амиргуловой однотипны. В основном они нацелены на разоблачение эгоизма, голого практицизма как главной язвы общества. Вот мальчик в рассказе “Новый мопед”. Человек в мире вещей, и это — ребенок. Ему предлагают мопед взамен

утраченной собаки, но это не может заменить ему живое существо, душа восстает. Так личность формируется с детства. По детям можно судить о семье, об обществе в целом.

Старушка Антонина Ивановна /рассказ “Дом отверженных”/ в соседях по дому престарелых угадывает свою участь. Так нескладно заканчивается жизнь у стариков. “Лишние люди” — ныне этому термину придается другой, более обнаженный смысл. Изобличение порока выглядит убедительно. Не менее трогательна история стариков в рассказе “Страх”. Всю жизнь делившие вместе все свои радости и горести, престарелые супруги со дня на день ожидают, когда они будут разлучены, их должны расселить по разным местам. И, даже когда она ему припоминает, сколько он забрал у нее сил и нервов в свое время, в чем проявлялись ее личные слабости, они все равно понимают, что жили все же ради друг друга. Очень человечна, обоюдна забота. Теплотой, лиризмом проникнут этот рассказ.

В прозе Валентины Амиргуловой нет искусственности, литературных штампов, которые говорят о заданности, “сделанности” произведения. Правда, стиль несколько напряжен, натянут, отсюда и недостаточная пластичность. Наш читатель привык к беседам о сложности жизни, к социальной теме, когда нередко забывается, что литература — это еще и искусство. Как повлиять на душу человеческую, распорядиться жизненным материалом, облечь ярость митинговых страстей, стихию человеческих чувств в стройные словесные сочетания, живущие по законам красоты и гармонии? Вот в чем вопрос. Поймал свою жар-птицу, овладел словом с присущим художнику чувством меры — и ты мастер. Не сумел — пеняй на себя. Законы искусства неумолимы. Такова жизнь.